

ЕКАТЕРИНА ВОСТРИКОВА

Знание и каузальное обоснование¹

1. Характеристики знания

Предметом обсуждения данной статьи будут некоторые аспекты вопроса о природе знания и обоснования убеждений².

Традиционное определение знания восходит своими корнями к работам Платона, в частности к диалогам «Теэтет» и «Менон», и может быть сформулировано следующим образом: знание есть истинное, обоснованное мнение (или убеждение). В соответствии с этим представлением можно утверждать, что человек знает, что Р только если:

- 1) он считает, что Р (имеет убеждение с соответствующим содержанием);
- 2) его убеждение является истинным;

¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00 483а.

² Понимание термина «убеждение» нередко оказывается проблематичным. Говоря об убеждении, можно иметь в виду убежденность в том-то и том-то (или веру в то-то и то-то), а можно иметь в виду само содержание такой убежденности. Со времен работ Г. Фреге и Ф. Brentano принято четко проводить данное различие. Однако в языке оно не всегда выражается четким образом: например, слово «убеждение» в русском языке можно употреблять и в том, и в другом смысле. Чтобы терминологически не перегружать текст данной статьи, в большинстве случаев я буду использовать термин «убеждение» для обоих смыслов, поскольку считаю, что это не должно повредить пониманию основной идеи статьи. Более того, практика двойного употребления термина «убеждение» принята в русскоязычной исследовательской и переводческой традиции. (См., например, *Шрамко Я.* Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // *Философия науки.* 2005. №1 (24). – Новосибирск; *Рассел Б.* Проблемы философии // *Джеймс У.* Введение в философию; *Рассел Б.* Проблемы философии. – М, 2000.) Сходным образом в англоязычных исследованиях термин «belief» имеет такое же двойное употребление в контекстах, не требующих обязательного проведения указанного выше различия.

3) его убеждение является обоснованным³.

В соответствии с этим определением, философские дискуссии по проблеме знания концентрируются вокруг трех вопросов: «что такое убеждение?», «что такое истина?» (или что значит для убеждения «быть истинным?») и «что является достаточным обоснованием для убеждения?».

Все эти три вопроса можно назвать классическими проблемами философии. Традиционными ответами на вопрос о природе истины, к примеру, являются корреспондентская, когерентистская и прагматистская теории. Вопрос о природе мысли обсуждался с разных аспектов, в частности, сюда можно отнести дискуссии о том, как формируются общие понятия и какова их природа; о том, что является предметом мысли и как она с ним связана. Проблема обоснования также имеет давнюю историю, в частности, классический рационализм и эмпиризм являются двумя вариантами ее решения.

Безусловно, целью данной статьи не является рассмотрение всех дискуссий, которые велись и ведутся по этим вопросам. Я хотела бы остановиться на отношении между первым и третьим элементом знания, т.е. высказать некоторые соображения по поводу связи между природой убеждения и природой обоснования. Представляется, что в современных дискуссиях эта связь зачастую упускается из вида, тем не менее внимание к ней могло бы пролить свет на постановку и решение проблемы обоснования в современной эпистемологии.

2. Сложность классического представления об обосновании

По всей видимости, просто истинное убеждение еще не является знанием. К примеру, если человек в результате гадания на картах установил, что вчера в Гондурасе была хорошая погода, и она действительно была хорошей, мы не склонны говорить, что человек *знал*, что погода была хорошей. Но не так просто точно определить, что отличает хорошо обоснованное убеждение от необоснованного. Традиционное понимание обоснованности связывает ее с классическими принципами рациональности, такими как последовательность вывода, согласованность, поэтому обоснованное убеждение часто называют «рациональным». Конечно, одних этих принципов недостаточно, поскольку, по меньшей мере, некоторые убеждения должны получать обоснование из опыта.

Сложность традиционного представления об обосновании была продемонстрирована в статье Э. Геттиера «*Является ли обоснованное истинное мнение знанием?*»⁴, опубликованной в 1963 г. Геттиер своей маленькой статьей спровоцировал множество дискуссий в современной эпистемоло-

³ В частности, такое определение знания принимается в: *Chisholm R. M. Perceiving: a Philosophical Study.* — N. Y., 1957; *Ayer A. J. The Problem of Knowledge.* — London, 1956.

⁴ *Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis.* 1963. Vol. 23. P.121–123.

логии. Он привел ряд примеров, которые демонстрировали, что убеждение может быть истинным и обоснованным и тем не менее не являться знанием.

Примеры Геттиера основываются на общей схеме: если человек имеет ложное обоснованное убеждение А, и из этого убеждения логически следует истинное убеждение В, то убеждение В является истинным и обоснованным, но не может быть названо знанием. Предположим, у меня есть два обоснованных убеждения: «этот поезд отправляется в Томск» и «на вагонах этого поезда нарисована красная полоса». Я увидела информацию об отправлении на табло у перрона, где стоял этот самый поезд с красной полосой. Из этого я могу обоснованно заключить «по меньшей мере, какой-то поезд с красной полосой едет в Томск». Но позже выясняется, что на табло была дана ошибочная информация, и поезд на самом деле ехал в Омск. Тем не менее оказывается также, что одновременно где-то с другого перрона поезд — тоже с красной полосой — отправлялся в Томск. Таким образом, у меня было истинное обоснованное мнение, но на самом деле не было знания.

На первый взгляд несложно преодолеть случаи такого типа: можно попытаться ввести еще одно условие о том, что знание не должно следовать из ложного убеждения. В действительности, такая посылка позволяет избежать многих случаев, сходных с теми, которые рассматривает Геттиер. Но очень скоро были придуманы другие контрпримеры убеждений, которые удовлетворяли и этому условию, и тем не менее знанием не являлись. К примеру, я рассматриваю витрины продуктового магазина и на основании своего опыта восприятия заключаю, что здесь лежат яблоки, бананы и виноград. На самом деле, настоящими на витрине являются только яблоки, а остальные фрукты представляют собой искусно сделанный муляж. Мое убеждение о яблоках было истинным, но я бы пришла к нему, даже если яблоки были поддельными.

История обсуждения этого вопроса показывает, что какие бы дополнительные условия мы ни вводили, всегда можно придумать примеры, которые будут их выполнять, но не будут являться знанием. Таким образом, по всей видимости, наличие хороших оснований для убежденности в чем-то еще не дает нам знания.

3. Какие средства предлагает экстернализм для решения проблемы обоснования

В качестве одного из ответов на эту проблему появились экстерналистские теории обоснования. Основная идея экстернализма состоит в том, что одних только внутренних для субъекта факторов, таких как очевидность, согласованность, логическая последовательность, не достаточно для получения требуемого обоснования. «Внутренний для субъекта» здесь означает «данный в сознании», «осознанный» или «доступный для сознания».

Соответственно, интернализм — это концепция, согласно которой обоснование либо должно быть доступно сознанию, либо должно быть ментальным процессом.

Таким образом, экстернализм предполагает, что убеждение может быть обоснованным, даже если субъект не имеет об этом никакого понятия. Некоторые сторонники экстернализма утверждали также, что обоснование в классическом смысле вообще не требуется для знания. Согласно такому экстернализму, классическое понятие обоснования выполняло лишь роль дополнительного условия, превращающего просто истинное убеждение в знание. Экстерналисты предлагали различные внешние факторы в качестве такого рода условия, к примеру:

- правильная каузальная цепь между фактом и убеждением об этом факте (Д. Армстронг);
- правильная каузальная цепь между когнитивными событиями внутри организма (А. Голдман).

В первом случае речь идет о том, что убеждение является знанием, только если действительно имеет своей причиной предмет именно с такими свойствами, которые приписываются ему в этом убеждении. Во втором случае во внимание принимается только каузальная цепь событий внутри нервной системы организма⁵, на одном конце которой оказываются данные восприятия, а на другой — само убеждение. Различие между этими видами экстернализма можно продемонстрировать на примере с мозгом в бочке. Согласно первому из них, мое убеждение «трава зеленая» является обоснованным, а такое же убеждение мозга в бочке нет. Согласно второму, оба они являются одинаково обоснованными, поскольку мы имеем одинаковые данные восприятия. Сторонник этой второй концепции утверждает, что убеждения, имеющие причиной память, восприятие, индуктивное заключение, являются обоснованными, а убеждения, имеющие причиной, к примеру, желания, таковыми не являются. Представляется, что для сторонника второго типа определения чрезвычайно сложно предложить какие-то критерии правильности процесса, поскольку он не связывает каузальную цепь с фактом внешнего мира. Заметим также, что этот вид экстернализма не решает проблему, представленную в примере с фруктами, поскольку и убеждение о яблоках, и убеждение о грушах равным образом основывались на данных восприятия.

Экстернализм в целом более успешно, чем интернализм, решает вопрос о том, какие критерии считать достаточными для обоснования убеждения. Если мы в поисках обоснования убеждений обращаемся к состояниям сознания, то неизбежно возникает сложность проведения различия между объективно обоснованным убеждением и тем,

⁵ Goldman A. I. What Is Justified Belief? // Epistemology. Ed. E. Sosa, J. Kim. — Massachusetts—Oxford, 2000. P. 347.

что человек лично принимает за «хорошие основания». К примеру, ребенок высказывает суждение «вода, лед и пар – состояния одного и того же вещества». Основанием этого высказывания для него является авторитет учителя, которого он считает хорошим специалистом. Однако через несколько лет выясняется, что учитель был шарлатаном и наряду с этим истинным суждением внушал ученикам такие тезисы, как «земля плоская и покоится на четырех китах». При этом он приводил обоснование своего тезиса: показывал фотографии, чертежи, подробно объяснял, почему именно четыре кита необходимы для поддержания Земли, принимая во внимание ее массу. Экстернализм же позволяет исключить случаи такого типа, ибо утверждает, что поскольку знание связано с истиной не случайным образом, то наше понимание третьего элемента знания должно обязательно объяснять неслучайный характер этой связи.

Интерналист мог бы сказать, что такая интерпретация знания расходится с нашим обыденным представлением о нем. В ответ на это экстерналист указал бы, что не всегда, когда мы говорим о знании, мы утверждаем, что человек провел собственное исследование или способен подробно изложить теорию, объясняющую его тезис. Более того, можно обратить внимание на то, что абсолютно большая часть информации, которую человек получает в процессе обучения и которую мы склонны называть знанием, имеет своим основанием авторитет преподавателей. Здесь в нашей обыденной практике мы как раз и обращаемся к экстерналистскому типу обоснования: можно говорить о том, что я обладаю определенным знанием физики, поскольку я получила знание от своего учителя в школе, который, в свою очередь, получил это знание от преподавателя в университете, и таким образом по каузальной цепи мы приходим к тому человеку, который непосредственно проводил эксперименты.

Пожалуй, самыми популярными примерами в аргументации экстернализма стали случаи, в которых мы имеем дело с людьми или животными, не обладающими достаточной способностью к теоретизированию, тем не менее мы говорим, что они обладают знанием. В качестве примера можно привести старушку, которой ничего не известно о химии или биологии, тем не менее она знает, как законсервировать огурцы, чтобы не взорвалась банка. Мы, не задумываясь, приписываем знание животным: к примеру, мы говорим, что собака знает, кто ее хозяин, она также знает, что огонь опасен, а на этого человека нельзя лаять, хотя трудно представить, о какой логической последовательности вывода и когерентности здесь может идти речь.

Экстерналист также утверждает, что его теория дает больше возможностей для ответа на скептические сомнения относительно возможности познания внешнего мира, поскольку связывает убеждения непосредственно с фактами внешнего мира.

4. Основная сложность экстернализма и ее возможное преодоление

Возможно, экстернализм в отношении обоснования хорошо решает частные проблемы, рассмотренные нами выше, с которыми сталкивается традиционная теория обоснования, но основная сложность этой концепции состоит в том, что она может рассматриваться как одна из форм скептицизма.

Конечно, теория, признающая возможность познания внешнего мира, может признавать большую роль каузальности, по меньшей мере, в чувственном познании. Она может основываться на том, что какие-то данные — данные восприятия — мы получаем благодаря непосредственному воздействию предметов внешнего мира. Однако существует важное различие между тезисами «убеждение было сформировано благодаря надежному процессу» и «я знаю, что убеждение было сформировано благодаря надежному процессу».

Фактически экстерналист нам предлагает знание, которое мы не способны отличить от незнания. До тех пор, пока мы не можем воспользоваться различием между внешне обоснованным суждением и внешне необоснованным суждением, это различие для нас является совершенно бесполезным. Предположим, у меня есть ряд истинных убеждений, таких как «мой друг не воровал мои деньги», «вчера в Гондурасе была солнечная погода». Для того чтобы узнать, какие из этих убеждений являются знанием, я должна обратиться к специалистам по изучению мозга и когнитивных процессов. Получив от них данные, я должна обратиться к следующим специалистам по изучению мозга, чтобы проверить, было ли их знание знанием и т. д.

Можно рассмотреть здесь следующий контрпример: представим себе человека, в мозг которого без его ведома было вживлено специальное устройство, продуцирующее в его голове правильные убеждения о температуре воздуха. Убеждения этого человека удовлетворяют всем условиям экстернализма относительно знания. Тем не менее они не являются знанием, так как он просто принимает эту информацию, но не знает, что она является истинной, поскольку ему ничего не известно о том, почему эти убеждения должны быть скорее истинными, чем нет.

Действительно, экстернализм способствует преодолению скептического сомнения относительно реальности внешнего мира. Но эти скептические сомнения теперь возникают на новом уровне. Скептик может задать экстерналисту вопрос: откуда вы знаете, что знание основывается на надежном процессе и что есть надежный процесс? Оказывается, что сам философ, выдвигающий тезис экстерна-

⁶ Lehrer K. Externalism and Epistemology Naturalized // Epistemology. Ed. E. Sosa, J. Kim. — Massachusetts—Oxford, 2000. P. 393.

лизма относительно обоснования, не может обосновать собственный тезис⁷.

Возможный ответ, который мог бы предложить экстерналист на это возражение, состоит в том, что интерналистский взгляд на обоснование опирается на определенное представление о природе убеждения, которое требует пересмотра. Экстерналист мог бы сказать, что его теория кажется невразумительной до тех пор, пока мы считаем, что убеждение, точнее его содержание («что идет дождь», «что дворец зеленый»), поскольку именно оно участвует в обосновании, должно состоять из ментальных конститuent, т.е. должно принадлежать сфере сознания.

На самом деле в основе некоторых экстерналистских теорий знания лежит новое представление о понятии убеждения. Теории такого типа предполагают не только пересмотр классических взглядов на третий элемент знания, но и пересмотр нашего понимания того, что представляет собой сознание и такие его аспекты, как убеждения, надежды, представления⁸. Сама идея о том, что убеждение может вступать в каузальные отношения с миром, предполагает понятие о нем, отличающееся от традиционного, согласно которому оно представляет собой отношение состояния сознания «убежденность» к некоторому содержанию. Сами же содержания сознания вступают не в каузальные отношения, а в логические и рациональные, такие как «следует из», «противоречит» и др. Иными словами, когда мы говорим о содержании, во внимание принимаются основания, не причины. Экстернализм же относительно содержания наших убеждений говорит: для того чтобы иметь убеждение, необходимо находиться в правильном отношении к окружающей среде.

5. Другие виды экстернализма (экстернализм относительно значения и ментального содержания) и их отношение к экстернализму в отношении обоснования

«Интернализм» и «экстернализм» — термины, применяемые равным образом в теории значения, философии сознания, эпистемологии, а также истории науки. Все эти теории имеют разный предмет, и все же между ними есть нечто общее. Интернализм — это концепция, которая признает решающую роль внутренних факторов (что является «внутренним» определяется конкретной областью применения теории) для конституирования, развития, функционирования изучаемого объекта. Экстернализм признает решающую роль внешних факторов,

⁷ Fumerton R. Externalism and Skepticism // Epistemology. Ed. E. Sosa, J. Kim. — Massachusetts—Oxford, 2000. P. 347.

⁸ В качестве примера здесь можно привести Д. Армстронга, Ф. Дрекке, которые разрабатывали одновременно экстерналистскую концепцию обоснования и сознания.

таких как социальность или каузальная связь с предметами и фактами внешнего мира.

Интернализм относительно значения — это теория о том, что значение определяется сознанием, находится в сознании или должно быть представлено в сознании, использующих язык людей. Сторонники экстернализма считают, что классический семантический интернализм представлен в работах Г. Фреге, Б. Рассела, П. Грайса, Дж. Серла. Б. Рассел, строго говоря, не считал, что значение должно быть связано с пониманием. Его теорию дескрипций относят к интернализму, потому что ее можно интерпретировать как тезис о том, что отношение имени в обыденном языке к предмету всегда осуществляется через некоторое описание, т. е. благодаря знанию некоторых свойств объекта.

К концепциям семантического экстернализма относят каузальную или новую теорию референции (Х. Патнэм, С. Крипке, Г. Эванс, К. Доннелан), натуралистские концепции значения (Ф. Дрекке, Р. Милликэн, Дж. Фодор), а также концепции, согласно которым социальные институты формируют нашу способность следовать правилу и значение (Л. Витгенштейн (в поздние годы), Д. Блур, С. Крипке, Т. Бердж). Основным содержанием экстернализма в этой предметной области является тезис о том, что значение задается внешними сознанию факторами, такими как каузальная цепь или номологическая (законосообразная) связь выражения и обозначаемого предмета, или социальными практиками. Теории значения экстерналистского типа на сегодняшний день являются наиболее общепризнанными и распространенными.

Аналогичный спор существует и о природе ментального содержания. Ментальным содержанием называется содержание наших убеждений, надежд и других ментальных состояний. Ментальное содержание называется иногда пропозициональным, поскольку его общая форма может быть выражена целым предложением: «что сегодня среда», «что у прямоугольника четыре стороны».

Здесь спор интернализма и экстернализма предстает как вопрос о том, находится ли ментальное содержание в сознании человека.

Экстернализм относительно ментального содержания — это тезис о том, что оно состоит из предметов внешнего мира, а не из некоторого рода ментальных конститuent⁹, и поэтому он также получил название «концепция широкого ментального содержания». Следствием этого тезиса является несубстанциональность сознания, т. е. сознание в этих теориях не рассматривается как сконцентрированное в одном месте — мозге или в целом теле человека, оно оказывается рассредоточенным по всему миру. Экстернализм стремится показать, что не существует непреодолимой границы между ментальным и физическим. Соответственно, противоположная точка зрения, т. е. теория о том, что ментальное содержание должно состоять из ментальных конститuent,

⁹ *McGinn C. Mental Content.* — Oxford, 1989; *Kim J. Philosophy of Mind.* — Colorado, 1998.

получила название «интернализм», или «концепция узкого ментально-го содержания».

Экстернализм в области семантики и экстернализм относительно ментального содержания всегда рассматривались в связи с эпистемологическими вопросами. В частности, Х. Патнэм (и другие теоретики вслед за ним) применил результаты своего анализа значения к проблеме реальности внешнего мира. Считается, что экстернализм в этих областях имеет своим следствием доказанный реализм относительно существования внешнего мира. Действительно, если нам удастся доказать, что значением предложения является предмет и что никакие ментальные образы и представления не способны обеспечить связь между сознанием и предметом, то это предполагает, что предметы внешнего мира, по меньшей мере, существуют.

В оставшейся части статьи будет рассмотрено соотношение между тремя типами экстернализма: психологическим, семантическим и эпистемологическим.

Тезисы, которые мы попытаемся обосновать, состоят в том, что:

- 1) экстернализм относительно знания и его обоснования опирается на экстернализм относительно ментального содержания и убеждения;
- 2) экстернализм относительно ментального содержания считается следствием экстернализма относительно значения;
- 3) экстернализм относительно значения вопреки распространённому мнению не имеет своим следствием экстернализм относительно ментального содержания (относительно убеждения);
- 4) таким образом, экстернализм относительно знания лишается своей основы.

Что касается нашего первого тезиса, то выше мы уже говорили о том, что фактически некоторые авторы экстерналистских концепций в отношении обоснования принимали также тезис экстернализма в отношении ментального содержания.

Однако представляется, что мы могли бы выдвинуть более сильный тезис о том, что экстернализм в отношении обоснования не совместим с интернализмом относительно содержания. Рассмотрим следующий пример. Представим себе, что я дальтоник «изнутри», т. е. вижу цвета красный и зелёный как неразличимые. Предположим, что я, тем не менее в каждой конкретной ситуации способна превосходно отличить красный от зелёного, совершенно не имея возможности объяснить, как я это делаю. Скажем, есть какой-то «надёжный процесс», который позволяет мне производить это различие, но мне о нём ничего не известно.

Проанализируем *смысл* предложения: «я знаю, что на этот сигнал светофора нельзя переходить дорогу». Он включает в себя:

- 1) мое убеждение о том, что идти нельзя;
- 2) то, что я считаю истинным предложение, выражающее это убеждение;

3) обоснование этого содержания, а именно никак не представленный в моем сознании X-процесс.

Теперь я совершенно оправданно, с точки зрения экстерналиста, заявляю: «Пусть, я не могу объяснить, но я убеждена, что я знаю, что на этот сигнал светофора нельзя переходить дорогу».

«Я знаю, что на этот сигнал светофора нельзя переходить дорогу» — мое убеждение, в анализ которого должен входить сам этот процесс, а не информация или данные о нем. Экстерналист утверждает, что часть моего убеждения о моем же знании не является ментальной. Таким образом, содержание всех убеждений, содержащих «я знаю», согласно его позиции, оказывается внешним для сознания.

Очевидно, что суждения такого типа описывают очень большую часть нашего опыта.

Мы можем сделать следующий вывод: основанием экстерналистского тезиса о знании должно быть представление об убеждении, в котором само содержание убеждения должно быть пересмотрено в экстерналистском ключе.

6. Почему семантический экстернализм не доказывает истинности экстернализма относительно ментального содержания (убеждения)

Дискуссии между сторонниками концепции широкого ментального содержания и концепции узкого ментального содержания были спровоцированы появлением каузальной теории референции. Если мы рассмотрим основные публикации по проблеме широкого ментального содержания, то увидим, что в них используются те же аргументы, которые использовались для обоснования семантического экстернализма, хотя такие авторы как Патнэм, Крипке, Доннелан, Эванс термин «ментальное содержание» не использовали. Этот термин использовал Т. Бердж, а впоследствии его аргументы стали применяться и для обоснования семантического экстернализма.

Представляется, что аргументы из области философии языка не совсем оправданно используются в области философии сознания, и далее я постараюсь показать, почему это так, на примере популярного аргумента Х. Патнэма с двойником Земли, поскольку именно он чаще всего привлекается для обоснования концепции широкого ментального содержания.

Цель Патнэма в этом мысленном эксперименте сконструировать ситуацию, в которой один и тот же интенционал задает разный экстенционал, где «интенционал» и «экстенционал» используются как синонимы для «смыслового содержания» и «предметного значения» соответственно. Предположим, что существует двойник Земли, который населен такими же людьми, как мы, говорящими на том же языке. Однако вещество, которое на этой планете наполняет моря и океаны, которое люди используют для утоления жажды, которое они называют «водой»

и которое чувственно неотлично от нашей воды, имеет совсем другую химическую структуру (для простоты Патнэм обозначает ее как «XYZ»). Согласно Патнэму, выражение «вода» на Земле до 1750, т. е. до того, как что-либо стало известно о химической структуре воды, относилось к H₂O; а «вода» на двойнике земли обозначало XYZ. Так, даже если все люди и на двойнике Земли, и на Земле находились в одном психологическом состоянии и разделяли один интенционал относительно слова «вода», эти выражения имели различные экстенционалы. Патнэм делает вывод о том, что сущностная природа предмета, а не мыслимое содержание, задает экстенционал¹⁰.

Отвлечемся сейчас от вопроса о том, насколько этот пример может служить обоснованием для семантического экстернализма, в данном случае для каузальной теории референции. Для удобства предположим, что Патнэм доказал, что значение не находится в голове. Сосредоточимся только на том, следует ли из этого истинность экстернализма относительно ментального содержания. Представляется, что этот вывод основывается на логической ошибке, которую сторонник концепции широкого содержания совершает благодаря многозначности термина «значение» — «meaning» в английском языке.

1. Этим термином иногда именуют теорию значения в целом, т. е. теорию, которая объясняет, как выражение связано с предметом или фактом. В этом значении «значения» данная теория может включать как *смысл*, так и *денотат*.

2. Но иногда этот термин используется для обозначения «*смыслового значения*», «*смысла*».

Патнэмовский аргумент начинается с того, что формулируется традиционная теория значения, в которой *значением* называется интенционал (смысл), т. е. meaning во втором смысле. Завершает свой аргумент Патнэм тезисом «значение не находится в голове». Здесь уже «значение» употребляется в первом более общем смысле, как теория о том, как слова относятся к миру. И в этой конкретной теории речь идет о том, что интенционал не имеет отношения к феномену значения.

Теперь рассмотрим, как этот аргумент используется сторонниками экстернализма относительно ментального содержания. Из тезиса «значение слов не находится в голове, а задается каузальной связью между словом и предметом» делается следующий вывод: «то, что находится в голове (поскольку раньше именно это мы называли значением), в голове не находится, а тоже задается каузальной связью с предметом», следовательно, ментальное содержание (смысл, мысль (здесь это синонимы)) рассредоточено в мире.

Общий тезис, который данное исследование имеет целью обосновать, а именно тезис о том, что из семантического экстернализма *не следует*, что содержание наших мыслей и убеждений не находится в созна-

¹⁰ Патнэм Х. Философия сознания. — М., 1999. С. 174.

нии, никак не связан с тем, что мы обратились здесь к этому конкретному примеру с патнэмовским аргументом «двойник Земли». Ошибка, на которую можно обратить внимание в этом конкретном примере, довольно-таки широко распространена, по крайней мере, она обнаруживается во всех получивших известность аргументах в пользу экстернализма относительно ментального содержания.

Рассмотрим другой пример экстерналистской семантической теории, согласно которой социальные институты, а не сознание задают значение. Этот аргумент взят из поздних произведений Л. Витгенштейна, где он ставит проблему следования правилу, хотя у исследователей нет согласия по поводу того, формулирует ли сам автор экстерналистский тезис. Тем не менее С. Крипке и некоторые другие авторы, в частности Д. Блур, в своих работах стремились продемонстрировать, что следование правилу, а следовательно, и значение носит социальный характер. После аргументации в пользу *семантического* социального экстернализма Блур заключает: «выразим нашу позицию в самой явной форме: мы никогда не можем узнать или установить точно, во что мы верим или чего мы хотим»¹¹.

Здесь мы имеем дело с той же подменой: из тезиса «значение не находится в голове, а задается социальными институтами» автор делает вывод: «то, что находится в голове, в голове не находится, а тоже задается социальными институтами».

Общее заключение из этих рассуждений состоит в следующем: сознание, мысль, смысл, мыслимое содержание, понятия могут быть совершенно нерелевантны теории значения (хотя представляется, что этот тезис также не является хорошо обоснованным), но из этого не следует, что всех этих вещей не существует в том смысле, в каком мы привыкли их понимать. Семантический экстернализм, таким образом, не имеет фундаментальных следствий для теории сознания и для эпистемологии.

Но давайте все же на некоторое время предположим, что у нас есть серьезные аргументы в пользу экстернализма относительно ментального содержания. Способен ли этот вид экстернализма преодолеть сложности экстернализма в отношении обоснования?

По всей видимости, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Следствием концепции широкого содержания является то, что собственное сознание перестает быть прозрачным для нас, т. е. доступным для внутреннего восприятия. Мы в принципе не способны определить, о чем была наша мысль или какие надежды мы лелеяли. Это следствие является самым неприятным следствием экстернализма. Несмотря на многочисленные аргументы в пользу погрешимости нашего знания о себе, очевидно, что сознание обладает особым эпистемическим статусом. Так, кажется невероятным, что когда я мечтаю о поездке в Лондон, мне в действительности вообще ничего не известно о моей

¹¹ Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. — L—NY, 1997. P. 25.

мечте. Сознание в этой концепции перестает быть сознанием, также как и в экстернализме относительно знания знание перестает быть знанием. Экстернализм относительно ментального содержания — это радикальный скептицизм относительно собственного сознания, поэтому он не может использоваться для преодоления скептической проблемы экстернализма относительно знания.

7. Заключение

В данной статье была исследована взаимосвязь между элементами знания «быть обоснованным» и «быть убеждением». Были рассмотрены основные сложности классической теории обоснования, а также экстернализм относительно обоснования как один из вариантов их решения. Тем не менее мы выяснили, что и концепция экстернализма имеет определенные сложности, в частности, ее следствием является скептицизм, поскольку экстерналистский тезис может быть выражен как «знание не должно быть знанием». Мы обратились к возможному и действительно часто используемому ответу на эту сложность, который состоит в том, что классическая теория обоснования опиралась на неправильное понимание природы убеждения и его содержания, и его следует пересмотреть в пользу экстерналистского. Далее, были рассмотрены основные аргументы в пользу экстернализма относительно ментального содержания и продемонстрировано, что обычно он считается неизбежным следствием экстернализма относительно значения. Мы показали, что экстернализм относительно значения не имеет радикальных следствий для теории сознания и эпистемологии. Вывод, который можно сделать, состоит в том, что проблема обоснования должна решаться в неэкстерналистском ключе.